

© 2000 г. А. АЛЬКВИСТ

МЕРЯНЕ, НЕ МЕРЯНЕ... (I)

Обсуждение мерянской проблемы продолжается. Нашей целью отнюдь не является опровергнуть предположенное А.К. Матвеевым переселение населения из бывшей Мерянской земли на юг современной Архангельской области [Матвеев 1996; 1998]. Самой возможности такой миграции мы и не отвергали, но приведенные свидетельства [Матвеев 1996] нас в этом не убедили [Альквист 1997].

Мы рады, что А.К. Матвеев углубляется в мерянскую проблематику, находит новые точки зрения и свежие свидетельства [Матвеев 1998]. С учетом новых материалов (как оппонента, так и своих) мы попытаемся привести 1) дополнительные свидетельства для опровержения представлений о мерянской миграции из исконно мерянских земель (ИМЗ) в Среднее Устье (СУ) или в Важско-Устьянский микрорегион (ВП) Русского Севера (РС), а также 2) этимологизацию топонимов бывшей мерянской территории.

Мы вынуждены разбивать целый комплекс вопросов на отдельные части. В рамках данной статьи нам не обойтись без дальнейшего обсуждения как некоторых принципиальных вопросов, так и мерянских и немерянских топонимических формантов. Будут обсуждены также новые возможности для решения вопроса о предполагаемой миграции. В следующей статье мы сосредоточимся на этимологизации топонимических компонентов, прежде всего основ, распространенных на Мерянской земле¹.

ЕЩЕ РАЗ О НЕКОТОРЫХ ПРИНЦИПАХ И МЕТОДАХ

Вольное толкование некоторых наших замечаний заставляет нас еще остановиться на некоторых принципах и методах топонимического исследования. Во-первых, мы не считаем, что для проведения исследования "первоначально нужно собрать весь топонимический материал вплоть до территорий Северо-Западной и Восточной России" [Матвеев 1998: 90], что, мягко говоря, звучит не только нереально, но и наивно. Как мы уже писали: "Определение даже условных критериев (выделения топонимии мерянского типа) предусматривает высокую степень собранности топонимии не только в Средней России, но и на огромных прилегающих бывших или теперешних финно-угорских территориях" [Альквист 1997: 24], что мы считаем вполне справедливой и необходимой предпосылкой для исследования. Мы бы не рисковали требовать "полного сбора топонимии" [Матвеев 1998: 90], а считаем желательным лишь "максимально полный" сбор топонимического материала на относительно ограниченной территории (см. подробнее [Альквист 1997: 23]).

Во-вторых, мы не требуем "провести полное археологическое обследование" соответствующей территории [Матвеев 1998: 90], что совершенно нереально. Не можем же мы даже теоретически обкопать всю Евразию! В нашей статье говорится

¹ Приведенные ниже без источника сведения собраны в процессе полевых исследований автора в Ярославской и сопредельных областях в 1989–99 гг., а также при осуществлении проекта Академии Наук Финляндии (см. [Альквист 1997: 23]) в 1995–98 гг. Данная статья написана при финансовой поддержке Культурного Фонда Финляндии, а экспедиции осуществлены в основном с помощью Академии Наук Финляндии.

об использовании данных археологии при выявлении разных слоев субстратной топонимии, что делается только относительно конкретных мест с определенными компонентами топонимии, интересующими нас с точки зрения исследования [Альквист 1997: 26].

Следовательно, опубликованные рассуждения [Матвеев 1998: 90] отходят далеко от идеи предложенного нами архолого-географического критерия, при помощи которого ряд названий субстратного происхождения можно отнести к определенному (в том числе к мерянскому) языку [Альквист 1997: 26–27]. Автор статьи [Матвеев 1998: 90] считает трудным реализовать наше требование о бесшовной и систематической совместимости языковедческих, а именно топонимических, данных с археологическими [Альквист 1997: 26]. В своих рассуждениях мы исходим прежде всего из требований языковедческого и топонимического исследования, а не из археологического начала. Поэтому утверждения о том, что "топонимический материал может не сохраниться в такой степени, как археологический" [Матвеев 1998: 90], лишены смысла. Мы интересуемся именно определенным топонимическим компонентом, который выводит нас к дальнейшим – в том числе к археологическим – исследованиям по его конкретным местам распространения.

Разумеется, подобные исследования осуществляются для выяснения каких-либо определенных комплексов проблем, например, для изучения северных и северо-западных селений с названиями на *-бол(V)*, *-бал(V)* [Альквист 1997: 34]. В пределах Волго-Клязьминского междуречья принадлежность данной ойконимии именно мере сомнений среди археологов не вызывает (см. [Леонтьев 1996: 27]). Для подтверждения же мерянского характера соответствующих северных селений было бы достаточно иметь положительный результат о наличии мерянского археологического компонента в нескольких селениях этого ряда. Необходимо воспользоваться не только археологическими, но и антропологическими и генетическими данными, чтобы исключить ошибочные домыслы и относительно бывлой этнической принадлежности носителей коллективного прозвища *черемисы* в ВП [Матвеев 1998: 100].

А.К. Матвеев ставит вопрос о роли и соотношениях формантного и этимологического методов изучения субстратной топонимии. Он считает формантный метод "важнейшим начальным" (курсив Матвеева. – А.А.) этапом топонимического исследования" [Матвеев 1998: 90–91]. По нашему мнению, при "формантном методе" речь, собственно говоря, идет не о методе исследования, а просто о способе классификации материала для исследования, что, естественно, можно делать не только на материале формантов, но и на материале основ или каких-нибудь других топонимических компонентов. Важность интерпретации топонимов [Матвеев 1998: 90] не отрицается. Несмотря на современные тенденции ономастики, этимологизация бесспорно является главной целью исследования субстратной топонимии, хотя немалых результатов можно достичь также при сравнительном изучении, например, структуры и фонетики географических названий.

В своем изложении [Альквист 1997] мы вслед за А.К. Матвеевым [Матвеев 1996] подходили к мерянской проблематике с формантной стороны. Матвеев оправдывает используемый им способ выделения топоформантов мерянского типа тем, что это был только начальный этап работы, а "все остальные выводы основаны уже на этимологических приемах исследования" [Матвеев 1998: 91]. Надо, однако, помнить, что даже при мерянском характере формантов топоосновы при них не обязательно имеют одно и то же происхождение. Основа может оказаться более древней.

Для дальнейших, более масштабных выводов, в частности относительно истории заселения, необходимо иметь достаточно большой комплекс достоверных интерпретаций отдельных топонимических компонентов. Перечисление топооснов и их сопоставление с апеллятивами одного языка достаточно в части случаев, но это еще не этимологический анализ (ср. [Матвеев 1998: 91]). При этом хотелось бы избегать таких сопоставлений, как в случае речных названий *Шакша* – марийск. *шакше* 'противный, отвратительный', *Шокша* – марийск. *шокш* 'рукав (реки)', *Шукиша* –

марийск. *шукиш* 'червяк' [Матвеев 1996: 18; 1998: 100]. Чередование гласных (например *а ~ о ~ у*) даже в первом слоге не является редким исключением в субстратной топонимии исследуемой территории (ср. [Альквист 1997: 29]). Ср., например, варианты речного названия *Шакиа ~ Шокиа* под Ярославлем [Кучкин 1984: 291, 347].

Вместо списков сопоставлений, лучше действительно стремиться к этимологическому анализу, причем следует, по возможности, пытаться ознакомиться и с самими географическими объектами или хотя бы тестировать гипотезы у местного населения. В том, что "способы осуществления топонимического поиска многообразны и зависят от различных обстоятельств" [Матвеев 1998: 90], мы с А.К. Матвеевым полностью согласны. Более того, методы топонимического анализа должны гибко приспосабливаться к каждому конкретному случаю.

А.К. Матвеев обращает внимание на "характерное" для нас "стремление учитывать при решении мерянской проблемы прежде всего топонимию центральной (ярославской) мерии" [Матвеев 1998: 94]. В своем изложении [Альквист 1997] мы исходили из топонимии данной территории не только потому, что именно там летописи упоминают мерю, или потому, что именно эта топонимия нам лучше знакома, а прежде всего потому, что стремились проверить тезис Матвеева, который считает предполагаемых переселенцев выходцами именно из этого края [Матвеев 1996: 14].

В статье А.К. Матвеева [Матвеев 1998: 91–92] используются малозначимые, как нам кажется, для современного уровня исследования понятия макро- и микроареалов. Матвеев считает, что мы предлагаем "именно макрорегиональный подход для выявления ареалов топоформантов" [Матвеев 1998: 92]. Во-первых, речь тут идет об ареале не только формантов, а любых топонимических компонентов. Во-вторых, мы не против изучения конкретных микроареалов; наоборот, с этого все и должно начинаться. Однако сопоставление некоторых далеких друг от друга микроареалов без должного внимания к огромному микроареалу между ними и вокруг них (ср. [Матвеев 1996]), не может обеспечить достоверность анализа. Метод, основанный на принципе выделения микрорегионов и использовании уже апробированных критериев (мерянских индикаторов) [Матвеев 1998: 98], и дает то, к чему исследователь стремится, если индикаторы выбираются не достаточно объективно. Подобный микрорегион должен постулироваться только в результате исследования, а не до топонимического изучения региона.

Мы не считаем выделения того или иного макроареала достаточно условным [Матвеев 1998: 91], если даже археологически может быть доказано былое наличие в этом ареале финно-угоров. Будет ошибкой, если мы до исследования сознательно отложим большую часть материала, на основе которого мы только и вправе рисовать контуры макроареала или ареалов каких-либо отдельных топонимических компонентов. Следовательно, утверждение о том, что "ареальные сопоставления формантов без каких-либо региональных ограничений, когда макроареал выходит за рамки ИМЗ и РС, рискованны" ([Матвеев 1998: 92], ср. [Альквист 1997: 30]), может привести только к тому, что мы не будем видеть леса из-за деревьев, ибо станет невозможным выделить комплекс топонимии северной части Евразии и сделать обоснованные выводы о переселении народов. Региональные ограничения тут совершенно ясны.

Широкий учет окружения при выделении зоны распространения топонимических компонентов является необходимым не только в начале исследования, как считает А.К. Матвеев [Матвеев 1998: 91] – ведь само собой разумеется, что при любом этимологическом исследовании принимается во внимание ареал. Разве можно представить себе этимологизацию, скажем, какого-то слова финского и марийского языков без выяснения имеется ли оно в соседних языках, в какой именно форме и с каким значением. Только удостоверившись, что слово имеется лишь в финском и марийском, мы можем приступить к полноценному этимологическому изучению этих двух "микроареалов". При лингвистическом исследовании топонимии следует учесть ее многослойность и склонность к фонетическим изменениям, вызванным часто народной этимологией, на основе которой нередко можно выявить переход топонимических

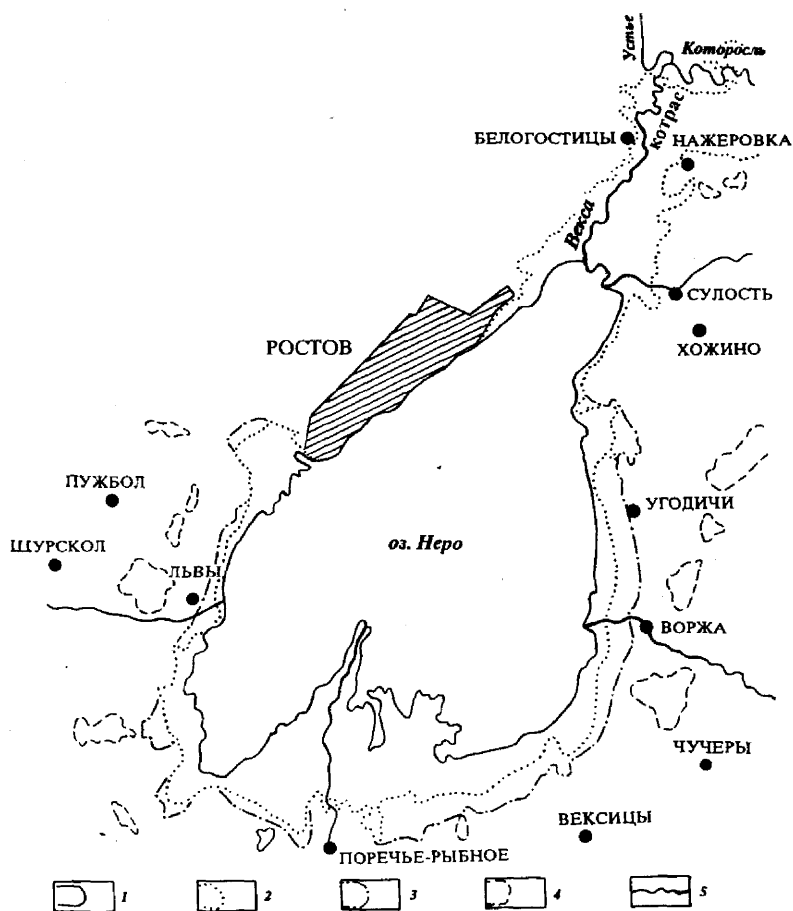
компонентов от одного этноса к другому, прежде всего неродственному по языку. Определенная устойчивая схожесть топонимических компонентов наблюдается на очень широких территориях обитания (в древности) финно-угров (см. также [Попов 1974: 15–16]). Значительную часть (суб)субстратных топонимических компонентов не только Северной, но и Средней России можно найти в древней топонимии, например, на территории Финляндии. Естественно, распространение топонимических компонентов как главный критерий является далеко не достаточным и может завести нас в тупик. (См. [Альквист 1997: 27].)

А.К. Матвеев подчеркивает воздействие русской морфологической адаптации, отраженное уже в ранних документах. Однако это не мешает ему при утверждении о преобладании у "мерянских названий" консонантных окончаний ссылаться на те же самые источники [Матвеев 1998: 93]. При этом один из двух приведенных примеров, а именно название л у г а *Шаинал* вполне мог испытать такое воздействие. Недостоверность такого подхода можно подтвердить историческими источниками. Матвеев подчеркивает, что названия селений *Шачебол* и *Яхробол* зафиксированы исключительно в этой форме [Матвеев 1998: 93]. Однако с конца XVIII в. представлены формы *Шачеболо*, *Яхроболо* [ЯОСК б.г.]. Непроизводную, видимо, ойконимную основу названия владимирской реки *Вежболовка* (*Вежболка*) можно обнаружить в варианте *Вежбола* (также *Вежбол?*) [Смолицкая 1976: 209]. Ср. белозерский ойконим *Вадбала* – *Ватбала* (ниже). Деревня *Нушпола* на севере Московской области именуется пожилым населением *Нушпола*. Однако возможность воздействия русской морфологической адаптации уменьшается, если вспомнить названия с е л типа *Дёбола*, *Брембола* [Альквист 1997: 28].

О МЕРЯНСКИХ И НЕМЕРЯНСКИХ ТОПОНИМИЧЕСКИХ ФОРМАНТАХ

Как предположительно мерянские А.К. Матвеев приводит названия населенных пунктов на *-бал*, *-бол*, наименования рек на *-бож*, *-ингирь*, *-кура*, *-курга* и озер на *-кур* и *V + хр*а [Матвеев 1996: 6]. Он пишет: "А. Альквист подчеркивает, что даже если собственно мерянские топонимические типы удастся выделить (ойконимы на *-бал*, *-бол* и наименования озер на *-Vхр*а признаются мерянскими (см. [Альквист 1997: 30]), то невозможно доказать, что мерянскими будут и аналогичные названия на РС" [Матвеев 1998: 91]. Во-первых, мы и не ставили под сомнение возможность выделения собственно мерянских топонимических типов (какой тогда был бы смысл в этих исследованиях?), но среди них мы выделяем в основном не те, что Матвеев. Во-вторых, мы не признали ойконимию на *-бол(V)*, *-бал(V)* в о о б щ е мерянской, а говорили только об ее "меряничности" и типичности на т е р р и т о р и и М е р я н - с к о й з е м л и, подчеркивая, что с ее возникновением связан ряд сложных вопросов [Альквист 1997: 27, 30, 32]. Мы писали: "За исключением суффиксального (ойконимического) компонента *-бол(V)*, *-бал(V)* и озерного суффикса *яхр(V)*, *-ягр(V)* и *-ер(о)*, *-ор(о)* (при условии датирования вариантов), выделяемых А.К. Матвеевым, как характерные мерянские [Матвеев 1996: 6 и сл.], другие топонимические типы не являются убедительными" [Альквист 1997: 30]. Эти компоненты действительно характерны для мерянской территории, но не только для нее, а "распространенность (ойконимической модели на *-бол(V)*, *-бал(V)*) говорит в пользу более общего в древности типа наименования поселений" [Альквист 1997: 28]. (О распространенности компонентов см. [Альквист 1997: 27, 29–30], ср. [Попов 1974: 15].)

При обсуждении озерной проблематики возникают неточности. Оппонент считает трудным признать удачной нашу попытку показать, что "на территории центральной мери функционировали в б о л ь ш о м (выделение Матвеева. – А.А.) количестве названия озер на *-ер(о)*, *-ор(о)*" [Матвеев 1998: 94]. Мы же писали не о большом количестве, а о том, что: "на территории центральной мери не меньшую распространенность, чем названия с *Яхр(V)*-, *Ягр(V)*-, имеют названия с суффиксом *-ер(о)*, *-ор(о)*..." [Альквист 1997: 29], что и соответствует действительности.

**КАРТА
РЕКОНСТРУКЦИЯ БЕРЕГОВОЙ ЛИНИИ ОЗ. НЕРО**
(В.А. Низовцев)

Условные обозначения:

1. Современная береговая линия озера
2. Предполагаемая береговая линия озера (VI век н.э.)
3. Предполагаемая береговая линия озера в период максимальной трансгрессии
4. Предполагаемые береговые линии мелких озер в период максимальной трансгрессии
5. Современные реки

Редкая встречаемость "мерянского *яхр* 'озеро'" обосновывается тем, что "здесь вообще мало озер, а наиболее значительные из них назывались другим словом" [Матвеев 1998: 94]. Малоозерность Ярославского края – в чем-то только видимая, так как вплоть до древнерусского периода на территории Средней России могло существовать немалое число староречных, пойменных озер крупных рек. Озер ледникового происхождения на этой территории действительно немного (сообщение В.А. Низовцева)².

² Палеогеографические сведения или предположения о некоторых объектах получены от научного сотрудника кафедры физической географии и ландшафтоведения Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова В.А. Низовцева.

Основа *Нер(V)*- относится именно к озерным названиям на *-ep(o)*, *-op(o)* – никакого "другого слова", вопреки А.К. Матвееву [Матвеев 1978; 1996: 10; 1998: 94], тут нет. Предположение о наличии на территории Мерянской земли апеллятива **Нер*, которым обозначали озера больших размеров [Матвеев 1978; 1998: 94], разъясняется нашей новой этимологией основы *Нер(V)*-. В этом широко распространенном компоненте мы видим первоначальную двусложную основу финно-угорского происхождения, в которой атрибутом является соответствие уральской основы **enä* 'большой; много' и детерминантом – соответствие финно-волжского апеллятива **järwä* 'озеро'. Ср., например, мордовск. (эрзя) *iñe* 'великий, большой', (мокша) *inä* – то же, фин. *enä* – то же, вепс. *ena-* – то же и мордовск. (эрзя) *erke*, (мокша) *(j)äŗkă* 'озеро' (где *-ke* и *-kă* являются уменьшительными суффиксами), марийск. (зап. диалекты) *jär*, (вост. диалекты) *jer* – то же, а также озерный суффикс *-ep(o)*, *-op(o)*. (См. подробнее [Ahlqvist 1998a]).

В связи с озером *Неро* встает вопрос о предполагаемом лимониме **Которо*, имеющем озерный суффикс [Альквист 1997: 33–34]. После опубликования предыдущей статьи мы узнали о наличии в нескольких подростовских селениях луга *Котрас* (именно по самой реке Векса, вытекающей из озера Неро). Данный луг растягивается от села Белогостицы по Вексе до деревни Стрелы, по реке *Которосль* (см. карту). Луг, расположенный по Вексе не стал бы именоваться по названию другой реки, а именно Которосли, если бы раньше она не имела отношения к данному концу озера или же к руслу, вытекающему из него. Совершенно логично было называть не только луг, а первоначально именно водосток, по которому он расположен, по наименованию озера **Которо*, т.е. *Которос* (со вторичной суффиксацией). Часто именно в названии луга, сенокоса, урочища выявляется бывшее, утерянное название речки, ручейка или озера. А большие озера, например, в Финляндии нередко имеют вариант названия или даже несколько вариантов, притом один из них, как правило, имеет значение 'большое, великое озеро' (см. [NA б.г.]), подобно наименованию *Неро* [Ahlqvist 1998a].

Кроме приведенных примеров [Альквист 1997: 34] имеются и другие случаи наличия данной топоосновы: приблизительно в 50-ти километрах на юго-восток от Вологды имеется болото *Котрас* [Вол. обл. 1998: 118]; в той же форме (*Kótrac*) часто в народе произносится и название ярославской реки *Которосль* (см. также [Альквист 1997: 33]). В XVIII в. записана форма **Котрость* (по реке *Котрости*) [ТИРИ 1772: 213]. Соответственно в Мантуровском районе Костромской области есть река *Котрасть*, рядом с которой имеются болота. Недалеко от деревни *Котюрово*, называемой народом *Котурёво*, в центре Ивановской области находится болото, ставшее после торфоразработок водоемом под названием *Озеро*. У деревни *Котрохово* той же области имеется низина, называемая *Дол*. Вблизи нижегородской реки *Которзя* находится группа озер [Смолицкая 1976: 269]. Имеются архангельские лимонимы *Котозеро* [WRG 1962–1963, II: 485]. Не исключено, что финский лимоним *Koitere*, в котором также выделяется озерный суффикс *-ere*, является параллельным русским субстратным названиям (при выпадении дифтонга). Из данного озера вытекает *Koitaajoki* (фин. *joki* 'река'). В бывшей архангельской губернии находим лимоним *Коутеярви* [WRG 1961–1973 II: 487] (фин., карельск. *järvi* 'озеро').

По карте [Кизема 1995] выяснилось, что обсуждаемая А.К. Матвеевым река *Котрость* имеет связь с болотом *Которское*, что является немаловажным доказательством в пользу "озерности" данной реки. Привязанность топоосновы **Kom(o)p(o)*- первоначально именно к озерам является веским доказательством наличия при ней озерного суффикса *-op(o)*. Сущность географических объектов говорит в пользу большого возраста и субсубстратного характера основы. (См. [Альквист 1997: 34].) Нередкая встречаемость основы даже на малообитаемых местностях однозначно не поддерживают мнение о ее переносе с мерянских земель в СУ (ср. [Матвеев 1996], а также ниже).

Мы привели предположение В.А. Низовцева о том, что на рубеже тысячелетий озеро Неро могло распространяться до рек Устье и Которосль [Альквист 1997: 26]. Еще перед появлением мерян на Ростовской земле, т.е. в VII в. н.э. (см. [Леонтьев 1996: 22]), Низовцев реконструирует озерную линию Неро у самой деревни *Нажеровка* (см. карту), в названии которой мы выделяем озерный суффикс *-er(o)*³. От белогостицкого рыбака нам удалось узнать, что озеро когда-то доходило до самой *Нажеровки*, расположенной в паре километров к северо-востоку от настоящего берега и в нескольких стах метров от теперешней Вексы. Местность здесь низменная. И в настоящее время приозерная котловина весной разливается почти до самой *Нажеровки*. Топонимов с данной сложной основой имеется несколько: например, на западе Ивановской области есть село *Нажерово*, а по его перевернутым мелиораторами полям протекает река *Ярцевка*, в основе названия которой можно выделять озерный показатель. Данному водотоку и определяется озерность (0,12%) [Рохмистров 1969: 93].

А.К. Матвеев сравнивает подростовский ойконим *Шугорь* с марийским апеллятивом *шўгар* 'могила' (ср. [Матвеев 1998: 94; Альквист 1997: 29; ММ 1926: 277]). У Шугори было селище не мерянское, а древнерусское (вероятно, вторая половина X–XI вв.), и одни из наиболее ранних подростовских курганов древнерусского периода от первой половины XI в. [Леонтьев 1996: 274, рис. 129]. При высказанной этимологии нужно предполагать знакомство жителей древнерусского поселка с финноязычной лексикой, или наличие там самого финноязычного (мерянского?) населения. Но история и археология не могут ни подтвердить, ни опровергнуть эти предположения⁴.

При этом надо учитывать шаткость этимологии марийского слова *šūyer, šūyar, šūyār*, которое с большими оговорками связывается лишь с одним из финно-угорских языков, а именно с венгерским [UEW 1986–1991: 59]. Вполне возможно, что слово является совершенно изолированным и даже заимствованным. Отметим, что к Устьсысольскому уезду Вологодской губернии относится деревня *Шугорская (Шугур-Дин)* [ВГ 1866: 362], а Е.И. Горюнова усматривает в названии *Шугор, Щугор* повтор топонимии Приуралья [Горюнова 1961: 22–28]. В Мордовии находится село *Шугур веле (Шугурово)*, которое И.К. Инжеватов считает названием-антропонимом тюркского происхождения от имени *Мурзы Шугер* [Инжеватов 1987: 249]. Имеет ли оно отношение к древнерусскому антропониму *Шугарь (Шогурь, Шугор, Шугур)* с производным *Шугарев*, о котором с конца XV – середины XVI в. есть сведения, кроме Москвы и Оболенской пятины, видимо, в Переславском крае (см. [Веселовский 1974: 117, 373])? Географическое обоснование антропонима в этих краях не исключается. (Ср. ниже фамилию *Харилов*.)

Окружность сел *Большая и Малая Шугорь* с руслом речки и оврага *Шугорка* вполне подойдет для существовавшего некогда здесь небольшого озера. Сама речка берет начало из болота южнее. В.А. Низовцев реконструирует и севернее сел болотный массив, относя его, предположительно, к периоду до VI века н.э. Параллельным можно считать, кроме потапонима *Шугарка* в Мари Эл [Куклин 1998: 27], название озера *Шугорка (Шугур)* на территории Пензенской губернии [Смолицкая 1976: 239], которое никак не могло иметь предложенного А.К. Матвеевым марийского начала. Если помнить о нередком варьировании *а* и *у*, не исключено, что сюда относится и название озера *Шазара* на северной границе Рязанской области [Ряз. обл. 1995: 3]. Ср. ниже *Шухорма (< Шухрома)*.

Географическим критериям соответствуют и другие перечисленные в нашей статье топонимы с предполагаемым первоначальным озерным суффиксом ([Альквист 1997:

³ Отантропонимность основы (ср. *Назар, Назарий*) кажется нам невозможным, хотя и последующая народная этимологизация не исключается.

⁴ Указанные сведения по археологии и ряд полезных общих замечаний получены от старшего научного сотрудника Института археологии РАН, специалиста по мерянской археологии А.Е. Леонтьева.

29]; ср. [Матвеев 1998: 94]). Подростовская деревня *Кустерь* и в километре от нее деревня *Козарка* (в названии которой тот же суффикс можно выделить в виде *-ар*), безусловно, имели в прошлом отношение к озеру. В ряду мерянских селищ А.Е. Леонтьев описывает расположение *Козарки* следующим образом: "На восточном склоне коренного озерного берега при выходе в озерную котловину" [Леонтьев 1996: 38]. *Кустерь* же расположена "на противоположной стороне оврага в сходной топографической ситуации" [Леонтьев 1996: 39]. Речь здесь идет, однако, о древней береговой линии озера Неро – подболоченные же низины местности указывают на наличие водоема совсем небольших размеров, какой В.А. Низовцев под *Козаркой* и указывает. При этом следует иметь в виду, что вообще современные населенные пункты расположены, как правило, в сотнях метрах от древнего селища с одним, предположительно, именем. Как параллельные можно рассматривать топонимы следующего типа: *Кусторка* – озеро, Нижег. обл. [Нижег. обл. 1998: 34], река *Кустерка* ~ озеро *Кустрока* – Влад. губ., возможно, *Кастер* – озеро, Влад. губ.; *Козерка* – река, вблизи озера, Влад. губ.; *Казарское* (*Козарское*) – озеро с относящимся к нему ойконимом *Казарь*, Ряз. губ. [Смолицкая 1976: 126, 195, 219], *Касарка* – болото, Пересл. р-н [ЯОСК б.г.] и *Казарки* – сенокос при болоте, Рост. р-н.

Юго-восточнее озера Неро была расположена исчезнувшая деревня *Чучеры*. В период максимальной трансгрессии В.А. Низовцевым реконструируется мелкое озеро недалеко от Чучер (см. карту). В данном направлении течет речка *Чучерка* (*Чучера*). Наличие тут озерного суффикса *-ер* подтверждается наличием реки *Чуча* как на марийской территории [Куклин 1985: 199], так и на Владимирской земле (также *Чуца*) [Смолицкая 1976: 196]. Ср. названные северные ойконимы [/?] *Чучебала*, *Чучепола* [Матвеев 1996: 7].

В народе распространено мнение о наличии озера у деревни *Киучер* Переславского района, так как при мелиорации на глубине 2,5–3-х метров были найдены "вековые сосны", сучки и шишки хвойных деревьев, которые могли сохраниться только в сырой почве. По рассказам жителей, около полусотни лет тому назад в деревню приезжали специалисты, определившие наличие древнего озера. К сожалению, нам нигде не удалось выяснить результат проделанной работы, и поэтому как относительно размеров озера (примерно 150 га), так и датирования (ок. 1000 лет тому назад) мы должны довольствоваться устными воспоминаниями. Археологические памятники деревни частично расположены ближе к речке *Киучерка*, и уже поэтому – вместо озерного суффикса *-ер* – нелегко исключить возможность наличия здесь речного суффикса: ср. коми диал. *чер* 'приток' [Кривошекова-Гантман 1968: 44], *-шор*, *-шур* [Альквист 1997: 28]⁵. Задача осложняется наличием на юго-западе Ярославской области потапонима *Янцирь*, параллельным названием которому справедливо рассматривать *Янчер* на территории республики Коми (см. [Кривошекова-Гантман 1968: 44]).

Название *Сеяр*, упоминаемое в сотной 1562 г. Махрищского монастыря сопровождается М.И. Смирновым сведениями: "деревня Запрудное на Сеяре Слободского стана" [Смирнов 1929: 69] (Переславль-Залесского уезда. – А.А.). В данной сотной имеются упоминания о реке *Сеяре* и о реке *Сере* [РГАДА б.г.: ф. 281, д. № 8930, л. 1–3]. Об озере не говорится, но ойконим *За-пруд-ное* дает право предполагать наличие здесь еще в XVI в. какого-то небольшого водоема ([Альквист 1997: 29], ср. [Матвеев 1998: 94]). Кроме того, вологодское озерное название *Соровское* упоминается в грамоте 1556 г. в форме *Сеярское* [Кузнецов 1995: 70].

Тот же озерный суффикс *-ер(о)*, *-ор(о)* и т.п. можно выделить в названии места и поля *Пихирево* Переславского района, имеющего рядом почти непроходимое болото. Местность около села *Бибирево* того же района – болотистая [ЯОСК б.г.], а основа

⁵ М. Фасмер сомневается в собственном объяснении данного ойконима, окончание которого связывает с марийск. *büdšor* 'разлив, поток' [Vasmer 1935: 401].

выделяется при сравнении с названием деревни *Бибяки*, например (см. [ЯО 1986: 87]). К бывшим лимнонимам относится название болота в Ростовском районе *Сахотское*, если приведенный для него вариант *Сахорское* [ЯОСК б.г.] правильный. Сюда же можно отнести ойконим *Хомерово* Угличского района Ярославской области, расположенное по соседству с *Инархово* (см. [Ahlqvist 1998a: 39]). Местность вокруг состоит из болот, часть из которых могли быть раньше озерами. У деревни *Шаборново* ~ *Шабурново* на севере Московской области вполне могло быть озеро. Покосы *Мандрово* на юге Ярославской области и *Шошуриха* Александровского района Владимирской области были низменностью.

А.К. Матвеев высказывает мысль, что "пока у нас нет серьезных оснований для вывода о том, что в диалекте центральной мери был топоформант *er* 'озеро', что объяснимо, если помнить об озерных названиях со словом *яхр*" [Матвеев 1998: 94]. При этом мы говорили не о мерянском языке, тем более "о диалекте центральной мери", а о территории центральной мери [Альквист 1997: 29], в которой фигурирует и озерный суффикс *-er(o)*, *-or(o)*, о чем свидетельствуют приведенные примеры. Окончательно это может быть подтверждено палеогеографическими исследованиями данных местностей. При этом отметим, что, например, в прибалтийско-финской топонимии имеется множество случаев, когда лимноним выступает в качестве ойконима. Видимо, там, где имеется водоем, озеро или река, естественно называть главное селение именно по нему. Имеются и чисто русскоязычные ойконимы типа *Белозерово* Костромской области [Костр. обл. 1997: 38] или *Озерки* Ярославской области [ЯО 1986: 61; Яр. обл. 1997: 20], рассказывающих о наличии в бывшем на местности озера, хотя на современной карте даже болото не отмечено. У деревни *Белозерово* Ярославской области болото, все же, указывается [ЯО 1986: 78; Яр. обл. 1997: 24].

Поскольку немалая часть из названий на *-er(o)*, *-or(o)* относится к уже не существующим или существующим в виде болот озерам, можно думать, что здесь идет речь о домерянском субстрате. Всё же слишком преждевременно искать ответ на вопрос, к какому именно этносу могли принадлежать эти названия (см. [Матвеев 1998: 94]). Палеогеографические и палеоботанические исследования ряда (бывших) озер могли бы указать нам некоторые временные рамки для связи данной лимнонимии с определенной археологической культурой. Определенная временная граница данного компонента может быть установлена в связи с его возможным балтийским происхождением (см. [SSA 1992, 1: 259]; ср. [Ahlqvist 1998a: 47]). А.К. Матвеев сравнивает с этим суффиксом фин. *järvi* и марийск. *jer* 'озеро' [Матвеев 1998: 94], хотя названные мордовские соответствия ничуть не более далекие. Топоосновы, в любом случае, подтверждают финно-угорское происхождение данной лимнонимии.

С древним происхождением озерного суффикса *-er(o)*, *-or(o)* соотносится его широкий ареал распространения. Суффикс фигурирует и в других частях Мерянской земли. В бывшем Мерском стане, за Костромой, у Некрасовского озера, была расположена деревня *Шатерино* (< **Шатеро*) (ср. ниже однокоренные названия при *Шаткурга*). За городом Мантурово Костромской области расположена деревня *Вочерово*, рядом с которой есть старичные озера, самое близкое из которых называется просто *Озеро*, а иносельчанами – *Вочеровское озеро*. Возле деревни *Суборь* Мантуровского района вода весной поднимается даже до самой деревни. В названии реки *Вожерка* севернее города Тутаев Ярославской области можно выделить озерный суффикс *-er* уже на основании наличия реки *Вожа* (*Малая* и *Большая*) в близлежащей местности (см. [Яр. обл. 1997: 18–19]). Параллельным является основа названия деревни *Ожарово* Мышкинского района Ярославской области (см. [ЯО 1986: 79; Яр. обл. 1997: 24]). Ойконимы *Вокшер(ы)* и *Вокшерино* с потамонимом *Вокшерка* Даниловского района Ярославской области [ЯО 1986: 59; Яр. обл. 1997: 19; ЯОСК б.г.] связываются М. Фасмером [Vasmer 1935: 360, 386, 387] с марийским словом *bakšär* 'пруд', в окончании которого выделяется *-jär* 'озеро'. Утверждается, что в прошлом здесь были пруды, а в

настоящее время в этих местах два озера [ЯОСК б.г.]. В том же сельсовете расположена деревня *Сендерево* [ЯО 1986: 60; Яр. обл. 1997: 19], топооснова которой сравнима, например, с костромскими речными названиями *Сендега*. На рубеже Ивановской и Костромской областей имеется *Сандырёвское болото*, в котором всегда стоит вода.

Лимнонимы на *-ер*, *-ор*, *-ар* распространяются в немалом количестве далеко на юго-восток даже на мордовские земли: ср. озера *Пумерки*, *Папорки* в Рязанской губернии и *Укор*, *Саверское*, *Вечерки*, *Катерки*, *Кужарки*, *Мушерки*, *Сучерки* в Тамбовской губернии [Смолицкая 1976: 232, 254, 261–262]. Распространенные больше в Мещере лимнонимы типа *Настур* Рязанской губернии [Смолицкая 1976: 187], должны иметь первоначальную связь с обсуждаемым топоформантом – ведь и среди предполагаемых лимнонимов Мерянской земли были указаны случаи с фонетическим вариантом на *-ур*.

С другой стороны, соответствующие лимнонимы имеются и на прибалтийско-финско-саамских землях. А.К. Матвеев утверждает, что карельские и вепские названия озер в русском языке часто имеют детерминант *-ер(о)*, *-ор(о)* [Матвеев 1998: 94]. Трудно исключить русское влияние в соответствующей топонимии России, но, например, в Финляндии, где подобного влияния не было, имеются немалочисленные формы типа вышеназванного *Koitere* или лимнонимы *Kalmari*, *Ähtäri* (*Ätsäri*), *Inari* и *Unari*, в которых предполагается наличие рудимента того же языкового элемента [Nissilä 1962: 74, 94]. По сведениям А.И. Попова, основная масса небольших белозерских озер носит названия с окончаниями *-ер(о)*, *-яр* [Попов 1974: 19].

Несомненно, что при подробном исследовании и ч а с т ь других топонимов с суффиксацией на *-ер(о)*, *-ор(о)*, которых на территории Средней России можно найти сотнями, окажется бывшими лимнонимами. Однако важно иметь в виду, что каждый случай требует тщательного, отдельного просмотра в соответствии с хотя бы минимальными (палео)географическими сведениями, так как и на апеллятивной основе подобное сочетание звуков – нередкость. В любом случае топоформант *-ер* фигурирует далеко не только в среднеустьянском микрорегионе РС (ср. [Матвеев 1996: 10]).

Названия с *Яхр(V)-*, *Ягр(V)-* (см. [Альквист 1997: 29]), ареал которых простирается из Средней России в северном направлении (см. [Матвеев 1965: 19]), можно действительно с большей вероятностью связывать с имеющимся теперь или в мерянское время озером. Достаточно указать на озеро *Яхробольское* в Некрасовском районе Ярославской области, получившее свое вторичное название от ойконима *Яхробол*, или на реки *Яхрома* в Ярославской, Московской, Тверской и Владимирской областях, три из которых имеют и теперь связь с озером, одна в прошлом (см. [Попов 1974: 18; Влад. обл. 1998: 7; Моск. обл. 1996: 12; Тв. обл. 1998: 30–31]). Болото рядом с деревней *Яхромино* Калязинского района Тверской области во время весеннего паводка превращается в озеро.

В настоящее время, правда, далеко не все названия с основой *Яхр(V)-*, *Ягр(V)-* указывают на озеро. Так, например, у пяти вологодских речек под названием *Ягрыши* никаких озер, по крайней мере, на карте не указано (см. [Вол. обл. 1998: 35, 37, 59]). К Переславскому району относится название болота *Ядрениха*, с которым сравнимы название леса *Ядрево* Александровского района, расположенного недалеко от болота. Северная река *Яхреньга* выходит из болота [Малодоры 1995], как и ручей *Озерский* [Ровдино 1995], но около урочища *Озерки* нет никакого озера или даже болота [Костр. обл. 1997: 9].

Говоря об упрощенной основе *Хр(V)-* (см. [Альквист 1997: 29]), можно привести в качестве примера маленькое *Хреновское озеро* (озеро *Хреново*) за Костромой, у которого раньше располагалась деревня *Хренова*. В Переславском районе имеется лес с болотами – *Хрениха*. Подобные названия должны были подвергаться народной этимологии и трудно доказать, что их основа не восходит к слову *хрен*. Подобных топонимов в Средней России – десятки, но в каждом случае основа наименования должна изучаться отдельно.

Далее, упрощенную основу можно встретить в виде *Kp(V)*-, *Гpe(V)*- и т.д., о чем свидетельствует вариант переславского ойконима *Ягренево*, а именно *Греново* (см. [Смирнов 1911: 222]). В пределах Некрасовского района расположена деревня *Кренево*, возле которой раньше, по всей видимости, было озерко, а недалеко расположена деревня *Харино*. До 1956–57 гг. в этой местности существовало *Исаковское озеро*; здесь же протекает речка *Озёрская* [ЯОСК б.г.]. К Ростовскому району относятся, например, *Грашиново болото* и луг *Подкревна*, в котором были две озерины. Подобные топоосновы нередки на исследуемой территории.

А.К. Матвеев пишет, что "озерные названия с формантами *-V + хра*, *-V + хро* (нами неточно) отнесены к среднему и нижнему течению Оки и нижнему течению Клязьмы" [Матвеев 1998: 94], что не соответствует действительности. Следуя за Г.П. Смолицкой [Смолицкая 1973: 247], мы писали: "...скопление озерных названий на *-хра*, *-хро* сосредоточено, в основном, по среднему и нижнему течению Оки и нижнему течению Клязьмы" [Альквист 1997: 29]. Уточнение "в основном" не исключает наличие лимнонимов на *-хра*, *-хро* и в других местах, а на самом деле предполагает это. Смолицкая отмечает, что этот тип фиксируется и в бассейне рек Пры и Гуся и восточнее [Смолицкая 1974: 65, 68]. Лимнонимы этого ряда встречаются даже на территории мордовской земли: ср. *Лепчегра* в Пензенской губернии и озерные названия с суффиксом *-кра* типа *Сукра* – в Тамбовской [Смолицкая 1976: 240, 258].

Относительно приведенных А.К. Матвеевым [Матвеев 1998: 94] примеров *Исихра* (ср. * *Искра* > *Искробольское* [Альквист 1997: 29]) и *Суехра* (ср. названный *Сукра*) отметим, что озеро *Искра* есть и на западе Нижегородской области [Нижег. обл. 1998: 33], а в Череповецком районе Вологодской области имеется болотное озеро *Искорское*, от которого вытекает река *Искра* [Вол. обл. 1998: 112]. С фонетической точки зрения ср. варианты лимнонима *Инскра* ~ *Инсхра*, Влад. губ. [Смолицкая 1976: 196].

Хотя в топонимии Ярославского края окончание *-хра*, *-хро* встречается крайне редко [Альквист 1997: 29], нами выявлены некоторые новые лимнонимы этого ряда на центральной Мерянской земле. Так, в названии речки и села *Махра* Александровского района, выделяется озерный суффикс *-хра*. К селу относится водоем, называемый *Махринский озером* или просто *Озером*. Оно возникло, как говорят жители, когда монахи запрудили речку. Можно ожидать, что на месте водоема располагалось в древности озеро природного происхождения. Речка называется также в форме *Махрица*, в которой возможно видеть основу для непривычной суффиксации архивного потамонима **Махрица* [РГАДА: ф. 281, д. № 8930, л. 1–3], связанного, в свою очередь, с названием местного *Троицкого Стефано-Махрицкого монастыря*. Под вопросом Г.П. Смолицкая упоминает в этой связи название реки и в форме *Маехра* [Смолицкая 1976: 202]. Ко Владимирской губернии относится параллельное название озера *Махра* [Смолицкая 1976: 196]. В Сергиев-Посадском районе Московской области есть еще одно село *Махра* на одноименной речке *Махра*, называемая чаще всего *Махарка*. Прямо под селом имеется сырое болото с ключами, которое некогда было озером.

Мы готовы включать в этот ряд название расположенного в северо-западном углу Переславского района *Семиградовского болота* с суффиксальной разновидностью *-гра*. К Угличскому району относится деревня *Епихарка*, расположенная рядом с болотистой местностью [ЯО 1986: 246; Яр. обл. 1997: 29]. К северной части Московской области относится потамоним *Шухорма* [Моск. обл. 1996: 5–6], являющийся метатезой от *Шухрома*, как называется данная река народом. На местности имеются водоемы, в один из которых река и впадает. Сенокос *Бекрево* юга Ярославской области был низменностью. На границе Ярославской и Владимирской областей нами записано название низменного луга *Пахрино*, а к Некоузскому району Ярославской области относится бывшее населенное место *Похрино* [ЯОСК б.г.]. Принадлежность к этому ряду ярославского потамонима *Ухра* следует изучать: река берет начало из достаточно

большого болотного массива, и ее верхнее течение проходит и в наше время через продолговатый водоем (см. [Яр. обл. 1997: 18]).

Есть еще видоизмененная суффиксальная разновидность *-фро*, который уже на основе фонетического варианта костромской реки *Нерехта*, а именно *Нерефта*, можно отнести сюда же. Ср. *Софроново болото* в Ростовском районе [ЯОСК б.г.], параллельным которому является название озера *Сафроново* как на Владимирской, так и на Нижегородской земле [Смолицкая 1976: 224, 228]⁶. Соответственно ко Владимирской губернии относится название озера *Нефро* [*Нефр?*], рядом с рекой *Невра* и с истоком *Нефровской* [Смолицкая 1976: 223] (< **Нехро*: (ср. топооснову *Нер(V)-*).

А.К. Матвеев [Матвеев 1998: 94] не принимает наше предположение о наличии в наименовании покоса *Харило* [Альквист 1997: 29] метатезной формы топонимического компонента *-хра*, *-хро* 'озеро', связывая его с древнерусским антропонимом *Харилов* [Матвеев 1998: 94; ср. Веселовский 1974: 337]. Возникает вопрос: как же развивались фамилии типа *Харилов*? Немалое число (древне)русских фамилий, а именно тех, которые не восходят к христианскому ономастикону или к профессиям, имеют свои корни в языке Русской земли.

Среди древних "географических" фамилий упоминаются, например, *Ростовцев*, *Ростовский* (< *Ростов*); *Белозерцев*, *Белозерский* (< *Белоозеро*); *Ухтомский* (< река *Ухтома*) или же *Вадьбольский* [СФ 1997: 98, 356–357], **Вадбальский*, происходящая, по С.Б. Веселовскому [Веселовский 1974: 60], от названия удела Белозерского княжества (позже – волости Белозерского уезда) *Вадбала* ~ *Ватбала*. Соответствующим образом, видимо, образованы фамилия барина *Магаюров*, купившего деревню *Магаюры* (*Ильинка*) [ЯОСК б.г.], фамилия *Дебольский* (< село *Деболь*) или княжеская фамилия *Пужбольский* (< село *Пужбол(о)*) Ростовского района. Подобные фамилии давались не только по названию села или города, но и просто по местности, откуда человек родом [СФ 1997: 194]. "Малую родину" человека легко определяли по фамилии, восходящей, например, к названию реки: ср. *Варгузин*, *Ветлугин* или *Хатунцев* (< *Хатунь*) [СФ 1997: 329–330]. Человек мог часто получать такую фамилию, например, выехав из деревни, а иногда и по той причине, что она уже перестала существовать. Сугубо национальные фамилии мордвы обычно связаны с географическими названиями [СФ 1997: 461]. В большой мере это есть, например, и у финнов и эстонцев.

Харилов вполне подходит к этой категории, но важно, по возможности, выяснить, из какой местности был родом носитель фамилии. Если учесть наличие в наименовании *Харило* ойконимического суффикса *-ла* (< **Харила*) (см. ниже), будет понятно, что именно фамилия образовалась от первоначального ойконима, а не наоборот.

Названия рек на *-курга* не засвидетельствованы, по А.К. Матвееву, в других местах, кроме Костромщины и СУ [Матвеев 1998: 95]. Помимо ярославской реки *Курга* [Матвеев 1996: 9], на севере Московской области имеется одноименная река, упоминаемая также в формах *Кургед* и *Куржа* [Смолицкая 1976: 202], последняя из которых особо подчеркивает формантность компонента *-(V)ga*, так как окончание представляет вероятное суффиксальное преобразование именно этого форманта (см. [Альквист 1992: 18]). Возможной является принадлежность к этой группе владимирского потамонима и ойконима *Курга* [Смолицкая 1976: 216], а также названия луга *Курга* с проходящей через него речкой *Курочка* в Переславском районе. Соответственно ко Владимирской губернии относится река *Курка*, а к Рязанской – река *Ликурка* [Смолицкая 1976: 191, 216]. К Буйскому району Костромской области относится село и бывший волостной центр *Ликурга* [КО 1983: 35; СВСКС 1997: 31].

⁶ Имя греческого происхождения *Софрон* и произведенные от него фамилии (см. [СФ 1997: 367]) могли тут иметь только народноэтимологическое влияние. (Ср. [Веселовский 1974: 297].)

В предложенной нами конструкции *-кур + -га* ('озерная река') [Альквист 1997: 29] А.К. Матвеева волнует проблематичность наличия суффикса *-га* после твердого согласного, поскольку финно-угорское обозначение реки имеет в анлауте *j* [Матвеев 1998: 95]. Надо сказать, что имеется не только множество фонетических вариантов типа *Вольга ~ Волга, Нюньга ~ Нюнга, Сеньга ~ Сенга* [Смолицкая 1976: 201, 207, 225], но и масса фонетически аналогичных гидронимов (например, в бассейне Оки) типа *Урга, Базырга, Летурга*, а также *Кучерга (Кучерба), Патерга, Канерга, Пичерга, Куверга, Качерга* [Смолицкая 1976: 106, 189, 204, 214, 244, 252, 259, 261, 263]. Некоторые подобные названия могут быть образованы аналогично тому, что мы предполагаем относительно гидронимов на *-курга*, т.е. от структур типа **Пич-ер-га*, содержащих за озерным суффиксом и речной. Ср. также названия деревень *Пестерюгино* в Костромском районе [ЯОСК б.г.] (< **Пест-ер-юга?*) и *Супорганово* (< **Суп-ор-(V)га?*) в Борисоглебском районе Ярославской области [ЯО 1986: 38; Яр. обл. 1997: 25]. Семантические соответствия можно найти, например, в русских потамонимах типа *Озерка, Озеренка* [Смолицкая 1976: 357–358] или с определением, как в потамониме *Белозерка*, Влад. губ. [Смолицкая 1976: 221].

С приведенным гидронимом *Шаткурга* [Матвеев 1996 : 9] можно сравнить названия озера *Шатурское* в Рязанской губернии, реки *Шатурка* во Владимирской [Смолицкая 1976: 130, 189], а также города *Шатура* Московской области, возле которого имеется огромный озерный массив [Моск. обл. 1996: 25]. В этих мещерских топонимах мы выделяем озерный суффикс *-ур*, выступающий в гидрониме *Шаткурга* в виде *-кур*. Важно отметить, что названная река *Шаткурга* берет начало из болота *Шаткурзское* (см. [Строевское 1995]).

Другой пример, *Кочкурга*, сравнивается, кроме упоминаемого лимнонима *Качкур* Московской области [Матвеев 1996: 8–9] и параллельного ему наименования покоса в Переславском районе [ЯОСК б.г.], с тремя владимирскими лимнонимами *Кочихра* [*Малая* и *Большое* (sic!)] и с названиями озер *Катурки* [*Качурки?* и *Качхра* [Смолицкая 1976: 196, 218, 222, 228]. Кажется, что данная топооснова тяготеет именно к названиям озер. Так, и река *Кочкурга* выходит из озера, на котором расположен населенный пункт *Кочкурга* [Кизема 1995]. Деревня *Кочкурская* Вельского уезда Вологодской губернии стоит при озере *Кокчурском* (sic!) [ВГ 1866: 85]. Река же *Мяткурга* Устинского бассейна выходит из болота солидного размера [Вол. обл. 1998: 12]. Следовательно эти северные потамонимы на *-курга* являются реками, вытекающими из (бывших) озер, по которым и получили свои названия.

В Средней России, по крайней мере, значение детерминанта *-кур* – это именно 'озеро', которое может быть и старичное (ср. [Матвеев 1996: 9]). Фонетических разновидностей множество. Сюда должны относиться названия *Куреевских озер* (*Новое* и *Старое*) Некрасовского района [ОЯО 1970: 120–121] или же небольшого озера *Кара* (*Каринское*) с вытекающим из него ручейком *Каринка* Александровского района. В Тульской губернии упоминаются рядом два оврага: *Озерковской* и *Кор* [Смолицкая 1976: 85]. Ср. кроме упоминаемых озер *Качкур* и *Печкур* [Матвеев 1996: 8], например, *Сучкур* и *Мючкаро* во Владимирской губернии и *Прунгур* в Тамбовской [Смолицкая 1976: 195, 196, 240]. Река *Пичкура* около Александра, носящая параллельное лимнониму *Печкур* название, берет начало из болота с озером [Влад. обл. 1998: 5]. С ярославскими топонимами на *-гор* (см. [Альквист 1997: 29]) ср. также название озера *Тюкогор* в Рязанской губернии [Смолицкая 1976: 130]. В Заволжском районе Ивановской области имеется селение *Шелагурино* [Костр. обл. 1997: 49] и за Вологдой речка *Пачегора* (*Пачегура*), текущая в Молотовское озеро. На востоке Московской области вытекает из озер река *Вишкура* [Моск. обл. 1996: 25], которая, видимо, имеется в виду под названием *Вишкур* [Матвеев 1996: 8]. Параллельным является название погоста *Вешкурский*, стоящего при безымянном озере в Сольвычегодском уезде Вологодской губернии [ВГ 1886: 268].

Компонент *-кур(а)* может вполне выступать в качестве речного суффикса, особенно если формы на *-а*, как в упомянутых потамонимах *Каскура*, *Печкура* [Матвеев 1996: 9] представляют русскую адаптацию к *река*, о чем говорится в другой связи [Матвеев 1998: 94]. О переходе лимнонима на речное название пишет также А.И. Попов [Попов 1974: 18].

Основные моменты комплексной озерной проблематики северной Евразии выяснимы, но это требует огромного труда, притом тесного сотрудничества с палеогеографами и ботаниками. С различными вариантами озерных суффиксов не следует, однако, путать топонимический компонент *-мар(ь)*, *-мара* 'гора, горка', выделяемый нами в таких названиях возвышенностей, как *Ихмарь*, *Кухмарь* (см. подробнее [Ahlqvist 1993]). Тот же детерминант имеется, например, в ярославском топониме *Ошмара*, хотя М. Фасмер видит в окончании этноним *мари* [Vasmer 1935: 390]. В данную модель входят и *Унимерь* (*Унемерь*), *Маймеры* (ср. [Матвеев 1996: 17]).

А.К. Матвеев соглашается, что в топонимии центральных мерянских земель формант *-ингирь* пока не засвидетельствован [Матвеев 1998: 95]. Максимально полное полевое исследование этой территории также не выявило этого компонента. Ср., однако, относящийся к югу от озера Неро бывший ойконим *Инеры* ~ *Инера* и марийский *Эн ерымбал* с русским вариантом *Инерымбал* [Альквист 1997: 29; Ahlqvist 1998a: 39; 1999: 630].

Найденные нами до сих пор гидронимы с компонентом *-ингирь* достаточно уверенно указывают на восточные части Мерянской земли в пределах Владимирской, Ивановской и Костромской областей. В основном они выходят за определенную археологами восточную границу мерян по реке Уводь (см. [Леонтьев 1996: 26, 269]) или Тезе. Сюда же относятся, например, река *Ингирь* (*Ингерь*) на юго-востоке Ивановской области ([Смолицкая 1976: 222], ср. [Ив. обл. 1997: 23]) и река *Ингрих* (вершина *Ингриха*) [Смолицкая 1976: 228], которая, видимо, на карте [Влад. обл. 1998: 22] указана как *Ингирь* в восточной части Владимирской области. Названная граница пересекается, грубо говоря, в Костромском Поволжье. Так, около Приволжска Ивановской области течет река *Ингар*, с относящимся к ней населенным пунктом *Ингарь* [Ив. обл. 1997: 4]. В километрах тридцати, в сторону Нерехты Костромской области, течет *Ингорь* [Костр. обл. 1997: 46]. К данным названиям географически близок костромской *Ухтынгирь* (см. ниже). Костромские потамонимы *Ингирь* относятся восточнее этих градусов долготы, к бассейнам Немды и унженской Неи [Костр. обл. 1997: 24, 25–26, 38]. Здесь же можно встретить названия типа речки *Левангир* [Галкин 1967: 209], урочища *Пынгирь* [Костр. обл. 1997: 24]. Исключительным является название речки *Лынгерь* южнее города Буй [Костр. обл. 1997: 21], а также потамоним *Шингирь* севернее Галичского озера [Костр. обл. 1997: 22], включение которого сюда, наряду с вологодским потамонимом *Шингарь* [Вол. обл. 1998: 97], предполагает нерегулярное развитие основы (см. [Матвеев 1998: 101–102]).

В любом случае, в том же направлении, на северо-востоке Ярославской области встречается потамоним *Элнать* (*Малая* и *Большая*) [Яр. обл. 1997: 13; WRG 1962–1963, II: 689], повторяющийся в названиях трех волжских притоков: кроме Ивановского (*Елнать*) и Костромского (*Елнать*, *Желватая Елнать*, *Желвата* и т.д.) Поволжья [Ив. обл. 1997: 7; Костр. обл. 1997: 50; WRG 1962–1963, II: 689], в Мари Эл в форме *Элнет* (русское *Илеть*) [ГМР 1985: 192]. Названный поселок *Ухтынгирь* расположен как раз на реке *Елнать-Желвата* [Костр. обл. 1997: 50]. Ивановская *Елнать* тянется по направлению приволжского *Ингара*, и за ним нерехтского *Ингоря* (ср. [Ив. обл. 1997: 4, 7, 14–15; Костр. обл. 1997: 46]). В северо-западном углу Костромской области, недалеко от вологодской речки *Шингарь*, расположена (бывшая?) деревня *Вятка* [КО 1983: 31; Костр. обл. 1997: 8–9], имя которой сравнимо с названием реки *Вятка*; берега этой последней были заселены марийцами. Интересно, что восточнее севернокостромского речного названия *Бол. Ингерь* и урочища (деревни)

Ингерь, в соседнем сельсовете, расположен населенный пункт *Черемисы* [Костр. обл. 1997: 16–17; КО 1983: 127, 140]. Отэтнонимические ойконимы встречаются даже по Волге, например, деревня *Черемискино* на юге Костромской области [КО 1983: 82; Костр. обл. 1997: 48]. Это только отдельные предварительные наблюдения о знаках топонимии, сходных с марийскими. (Ср. [Попов 1974: 24–26].)

Хотя возможное наличие географического термина *ингерь*, например, в северных и восточных диалектах мерянского языка не исключается ([Альквист 1997: 31; ср. Попов 1974: 24]), распространение компонента можно, как нам кажется, рассматривать и как марийское наслоение на северной и восточной зоне территории. Тем более что в бассейне костромской Унжи есть достаточно веские свидетельства именно о марийском населении, о черемисах, вопреки А.К. Матвееву [Матвеев 1998: 95], от легенд, связанных с возникновением ойконима типа *Черемисская* [будто бы в реке Межа утонул(и) черемис(ы)], вплоть до пословиц, поговорок ("*Чермис черемисом*": "*грязный как черемис*") или песен ("*Черемисы, вотяки ловили рыбу у реки*"; "*Черемиса грязного водили босиком...*")⁷ (см. также [Попов 1974: 25]).

А.К. Матвеев утверждает, что костромские сложные названия с *-ингерь* находят соответствия в мерянском материале [Матвеев 1998: 95]. В качестве примера он дает *Ухтынгирь*, сравнивая его с *Ухтубуж*. Однако один из зафиксированных нами вариантов выражения "грязный как черемис" записан именно в с. *Ухтубуж* (совр. *Попово*) Мантуровского района. Таким образом, можно было бы считать *Ухтынгирь* полностью марийским топонимом. Однако только форманты обоих названий совпадают с марийским языком, основа *Ухм(V)-* распространена намного шире (см. ниже).

А.К. Матвеев видит в ярославских гидронимах *Вожа* самостоятельное топонимическое употребление форманта *-важ*, *-вож* [Матвеев 1998: 93–94]. Об особой близости к марийскому языку данные потапонимы не говорят, если помнить, что и на Рязанской земле один из притоков Оки называется *Вожа* (см. [Смолицкая 1976: 161; Ряз. обл. 1995: 8–10]). Протетический характер анлаутного *в-* легко заметить по данной основе, связываемой Г.П. Смолицкой с летописным топонимом *Ужескъ* (*Ожъскъ*) [Смолицкая 1976: 161]. Мы здесь не выделяем компонент *-вож*, как и в основе названных трех ойконимов *Вожбал*, *Вожбала*, *Вожбола* (ср. [Матвеев 1998: 98, 103]). С фонетической точки зрения ср., например, потапоним *Воженка* с вариантом *Вошенка*, Влад. губ. [Смолицкая 1976: 211], в котором становится очевидной возможность наличия глухого щелевого в интервокальной позиции, вопреки Матвееву (см. [Матвеев 1998: 93]).

Нас упрекают за склонность связывать м е р я н с к и е названия на *-бож*, *-бажа* и т.п. не с территориально близким марийским *-важ*, *-вож* 'корень', а с коми *вож* 'приток' [Матвеев 1998: 94]. В этой связи отметим, что мы говорим вообще не о мерянских названиях, а о топонимии Мерянской земли [Альквист 1997: 28]. Кажется справедливым сближать названные восточнокостромские ойконимы *Ухтубуж* и *Халбуж* с марийскими соответствиями (так как в данных селениях память о черемисах все еще ощущается). Несмотря на это, домерянская топонимия края имеет и субсубстратные следы, частично сопоставимые с более северными современными финно-угорскими языками. При учете малого числа гидронимов этой медали – это тем более вероятно. Отметим, что особенностью материальной культуры замантуровского села *Ухтубуж* (*Поповское городище*) во второй половине I тыс. н.э. выделяется сочетание камских и волжских по происхождению элементов с преобладанием последних. В IX в. наблюдается синтез этих культурных традиций, возникший, видимо, на уровне брачных контактов [АКК 1997: 125, 128].

М. Фасмер упоминает костромские потапонимы *Синчуваж* и *Шурговаши*, территориально близкие к марийцам [Vasmer 1935: 375–376]. Их форманты носят чисто

⁷ Последнее получено от директора Мантуровского муниципального краеведческого музея С.Н. Топорова, записавшего его от жителя с. Угоры (бывш. Халбуж) Мантуровского района.

марийский облик, и основы, видимо, чисто марийские, как Фасмер и предполагает. Подростовский потамоним *Кучибиж* с параллельным ему названием на Владимирской земле *Кучебиш* (*Кучебишь*, *Кучебаш*) [Смолицкая 1976: 207; Влад. обл. 1998: 16], возможно, сопоставимы с ручьем *Кучмыж* в Горномарийском районе (см. [ГМР 1985: 193]). Основа тяготеет к пермским языкам, и относительно форманта можно упоминать древнепермский *мӧс* 'родник, источник, исток, приток, ручей, речка, берущая начало из родника', который в письменном виде зафиксирован даже в форме *-бас* (см. [Афанасьев 1985: 70–71; Терентьева 1994: 14; ср. Матвеев 1996: 7–8; Ahlqvist 1997: 29]). Кроме того, надо учесть наличие в пределах Европейского Севера, Верхнего и Среднего Поволжья также форманта *-шур* (см. [Альквист 1997: 28; Афанасьев 1985: 71]).

Основы других гидронимов на *-бож*, как – вопреки М. Фасмеру – ярославские реки *Егобож*, *Кибож* [Vasmer 1935: 391–392], *Инобож*, *Инопаш* [Рохмистров 1969: 87] с параллельными владимирскими названиями *Инобежка* (*Инобешка*) и *Инобошка* (*Инивежка*) [Смолицкая 1976: 205, 207], название правого притока Волги в пределах Кашинского уезда – реки *Неропажа* [Кучкин 1984: 159, 340] и потамоним *Куибыша* Переславского района указывают не на марийское начало, а на происхождение прибалтийско-финско-мордовского типа. Сюда же относится название селения и волости *Серебож* Александровского уезда [Смирнов 1928: 110; Кучкин 1984: 162], название местности с оврагом *Бердобушка* Александровского района, и, с оговоркой, небольшое владимирское скопление речных названий *Урбушка* (*Урубущка*), *Килбушка* (*Кильдишка*), *Пильбиж* [Смолицкая 1976: 204–205; Влад. обл. 1998: 6], а также, возможно, и название деревни северо-запада Ярославской области – *Арцыбашево* [ЯО 1986: 42; Яр. обл. 1997: 6]. Данные основы отчетливо отличаются от северных основ обсуждаемой топонимической модели. Кроме того, модель встречается на Севере несравненно больше, чем в Средней России, где она, возможно, относится к субстрату.

Мы не можем согласиться с А.К. Матвеевым в отношении исконной меряничности формантов *-кур* (*-кура*, *-курга*), *-ингирь* и *-бож* даже на бывшей Мерянской земле уже из-за их относительной редкости и распространенности, в основном, вне данной территории ([Альквист 1997: 32; ср. Матвеев 1996: 6 и сл.]). Ведь Матвеев сам подчеркивает, что единичные примеры ничего не доказывают и что единичные факты на уровне формантов редко убеждают [Матвеев 1998: 92, 93].

Формант *-хра*, *-хро* является достаточно типичным на мерянской территории и относится, скорее всего, к мерянскому времени, тогда как другой озерный суффикс *-ер(о)*, *-ор(о)*, будучи на той же территории не менее типичен, имеет более древние корни (см. [Альквист 1998: 30]). Утверждение о меряничности названий с *Яхр(V)-*, *Ягр(V)-* не сочетается с рассуждением о том, что фонетическая эволюция могла происходить только в направлении **jāxr > jār, jer*, но не наоборот (см. [Матвеев 1998: 96, ср. также Попов 1974: 18–19]). Как объяснить, видимо, более древнюю форму и широкую распространенность компонента *-ер(о)*, *-ор(о)*? Распространение на севере и северо-западе форманта *-хра*, *-хро* говорит, вероятно, в пользу его наличия одновременно в похожей форме и у более северных финно-угорских народов. При этом суффикс *-ер(о)*, *-ор(о)* распространяется от мордовских земель далеко до прибалтийско-финских. В Финляндии, например, имеется ряд лимнонимов с двойной суффиксацией / детерминацией одного и того же происхождения: ср., например, *Kalmarinjärvi*, *Atsärinjärvi* (фин. *järvi* 'озеро') [Nissilä 1962: 74]. Подобные элексегезы распространены в Карелии (в Олонце) и на вепсской территории [Nissilä 1962: 74], где, например, озеро *Aštarjärvi* (*Aštarv*) именуется по-русски *Аштозеро* (*Оштозеро*) [СГБС 1997: 61].

Единственным надежным мерянским гидронимическим формантом мы считаем *-хта*, *-гда*, распространенный кроме Мерянской земли, видимо, во вторичных названиях в Белозерье. Вне этого очень четкого ареала имеются только единичные случаи на других территориях, например по Северной Двине (также *Вычегда*). Речной суффикс *-гда*, *-хта* связывается уже Д. Эуропеусом с окончанием гидронимов на *-кса*, *-кша*

[Eugoraеus 1868: 110]. На первый взгляд, это не убеждает. Однако нам приходилось записывать несколько вариантов названий, где *-гда/-хта* и *-кса, -киша* sporadически варьируются. К этому имеет отношение чередование сочетания согласных *-ht- ~ -ks-* в прибалтийско-финских языках.

Название жителей города *Вологды* в форме *вологжане* может служить доказательством того, что в домерянское время одноименная река могла именоваться **Волокша*. Ко Владимирщине, кстати, и относится озеро *Волокша (Волошка)* [Смолицкая 1976: 196]. В любом случае название *Вологда* должно входить в ряд потапонимов на *-хта, -гда*, и принятую этимологию, разделяемую также А.К. Матвеевым, от марийск. *волгыдо* 'светлый' (см. [Матвеев 1998: 97; ЭСРЯ 1964, I: 340]) придется изменить. (Формант *-хта, -гда* мы обсуждаем подробно в другой связи, см. также ниже.)

Мы не хотим отвергать возможность сопоставления ойконимов на *-бол(V), -бал(V)* мерянской территории и СУ – естественно, они по своему окончанию относятся к одному ряду. Мы только хотели показать, что и вне этих двух районов, в т.ч. на северо-западе, есть подобные названия, которые тем более могут рассматриваться как прямое продолжение основного ареала (ср. [Матвеев 1998: 92]).

Данные исторической фонетики, свидетельствующие, по А.К. Матвееву, "об эволюции древнего мерянского состояния (ИМЗ) по направлению к позднемерянскому (СУ), во многом общему с марийским" [Матвеев 1998: 95–96], не сближают, например, основы севернорусских ойконимов на *-бал, -пал* со среднерусскими (см. [Альквист 1997: 28]). В связи с этими двумя ареалами нельзя говорить об одном "языке-источнике", а следует говорить о "языках-источниках" (см. [Матвеев 1998: 93]).

Основы некоторых северных ойконимов находят свое соответствие в топонимии марийской территории: ср., например, северный *Соломбала* и озеро *Солан (Солон)* [Куклин 1985: 171] на марийской территории, тогда как некоторые топоосновы, наоборот, тяготеют севернее или западнее, как *Куткобал*. Основы ойконимов на *-бол(V), -бал(V)* в районе Кубенского озера, а именно *Вохтоболка, Нёнбал, Сомбалка* [Матвеев 1998: 97], соответственно тяготеют не (только) в сторону основной мерянской территории, хотя, например, в Борисоглебском районе есть деревня *Няньково* и в Ростовском – деревня *Неньково* [ЯО 1986: 38, 135]. Есть связи и в сторону вепсской территории, где имеется *Ненозеро* [СГБС 1997: 83].

Одна из редких основ ойконимов на *-бол(V), -бал(V)* территории Мерянской земли, указывающих сильно в марийскую сторону, выделяется в названии отмеченной выше деревни *Нушполы*. На марийской территории текут река *Нужа* и речка *Нуж (Нужэ н'ер)* [Куклин 1985: 152, 184]. Там есть и озеро *Нужъяр* [РМЭ 1995]. Связи основ ойконимов на *-бол(V), -бал(V)* выходят и южнее. Записанному нами названию низины (sic!) *Ужбол* в Ростовском районе имеется параллель в Мещере, где А.Е. Леонтьев [Леонтьев 1996: 28] упоминает одноименное болото, а в Рязанской области есть река *Бужа*, именуемая также *Ужбол* [Смолицкая 1976: 129]. С *Бужа* ср. подростовский ойконим *Пужбол*. Некоторые основы ойконимов на *-бол(V), -бал(V)* Мерянской земли тяготеют к прибалтийско-финским или к мордовским языкам: ср. *Кибол*, которому должен соответствовать новгородский антропоним *Кибалов* (см. [Веселовский 1974: 139]). См. этимологию основы ойконима *Брембола* [Ahlqvist 1998a: 26–27].

"Настоящего" компонента *-бал, -бол* А.К. Матвеев у марийцев не выделяет [Матвеев 1998: 101]. Следы настоящих ойконимов на *-бол(V), -бол(V)*, а не с *умбал* можно видеть и на марийской территории, например, в фамилии *Ижболдин* (см. [Черных 1995: 44]). В качестве таких следов можно рассматривать ойконимы *Шелаболки* и *Энербал* (см. ниже), возможно и ойконим Царевококшайского уезда *Кундуш-кибал* (на основе которого И.С. Галкин предполагает форму *Кундушумбал* [Галкин 1991: 36]), но в котором можно видеть соответствие ойконима *Кибол* с определением

Кундуш-. С другой стороны, к мордовским землям, к Тамбовской губернии, относятся речные названия *Пиченбал* и *Кундоболка* [Смолицкая 1976: 240, 252] (ойконим < **Кундобол*?) (об основе ниже).

Подтверждением меряничности топонимов на *-бол(V)*, *-бал(V)* в пределах Волго-Клязьминского междуречья служит ряд односуффиксальных ойконимов со следами мерянских поселений типа *Пужбол*, *Деболовское* (см. [Леонтьев 1996: 27–28, 38–39; ср. Альквист 1997: 27]). То, что ареал данных топонимов значительно шире собственно мерянской территории, объясняется аналогией в других финно-угорских языках [Леонтьев 1996: 27], что, вопреки А.К. Матвееву [Матвеев 1998: 98], совершенно справедливо. Компонент *-бол(V)*, *-бал(V)* имеет ряд сравнений в финно-угорских языках (см. [Альквист 1997: 28; Матвеев 1998: 92–93]), при этом следует учитывать возможное различие в происхождении похожего компонента [Попов 1974: 25; Матвеев 1998: 92]. Однако у нас все еще нет для него надежной этимологии (см. [Альквист 1997: 28]).

Некоторые названия заставляют вспомнить мордовское *веле* ‘село’, с которым связывается ряд других, более широких по значению соответствий, в т.ч. марийск. *вел* ‘за-, край, сторона’ [ЭКНЭС 1977: 15]. Действительно, в некоторых случаях похожий компонент марийских ойконимов *-вал*, *-вол* меняется на русской почве на *-бол*. Так, марийские названия деревень *Кушыл* и *Ул Солаволкы* (последнее также *Шолаполко Улсола*), которым А.Н. Куклин [Куклин 1985: 129–130] дает объяснение ‘Верхней/Нижней деревни жильцы’, звучат по-русски как *Верхние* и *Нижние Шелаболки*. Подобным образом марийский ойконим *Эгервал*, звучит по-русски *Энербал*. Название истолковывается как ‘Заречная’, но отметим, что и окончание *умбал* переводится как ‘за’ [Куклин 1985: 145].

В Костромском уезде, на востоке от Нерехты упоминается в XVIII в. *Волжевальский стан* с рекой **Вожевалка* [СВСКС 1909: 9]. Потамоним указывает на возможность наличия некогда селения **Вожевал*. Ср. приток Ветлуги, *Важвал* [Терентьева 1994: 19]. Если же такой ойконим имелся, в нем можно было бы рассматривать более архаичный вариант северных ойконимов *Вожбал*, *Вожбала*, *Вожбола* (см. [Матвеев 1998: 98, 103]), но только архивные материалы могли бы это подтвердить.

Подобное фонетическое явление (*p ~ v*) встречается и в старой топонимии территории прибалтийско-финских народов: ср., например, название деревни Вотской пятины *Калбола* [Ahlqvist 1997: 27] с финским ойконимом *Kalvola*. На территории Финляндии имеется множество древних ойконимов на *-pola* типа *Rapola*, с которым можно сравнивать не только название села Ивановской области, *Ряполово*, но и (при упрощении дифтонга) северный топоним *Райбола* (см. [Матвеев 1998: 98]), а также ойконим *Raivola* в Карелии. Однако нередко в окончании финских ойконимов можно на основе этимологического анализа обнаружить именно *-la*, что вполне может иметь место и в случае указанных названий. В своей статье мы и пытались подчеркнуть важность отделения *бол*-компонентных топонимов от ойконимов, образованных с помощью распространенного в прибалтийско-финских языках окончания названий населенных мест *-la* ([Альквист 1997: 27, ср. Матвеев 1998: 92]), которые, кстати, занимают немаловажную позицию на мерянской территории. В регионе есть названия (бывших) поселений или групп деревень типа *Кижила*, *Рохмала*, *Тенгола* (ср. *Тенгола* в Водской пятине и *Tenhola* в Финляндии), гора *Хатиловка* (< **Хатила*). Возможно, к ним относится и ойконим *Согила*. (См. [Ahlqvist 19986: 13–14]). Кажется, что в русской передаче ойконима *Huiprölä* в Сортавале, в Карелии, а именно *Гимнбола* (см., например, [Uino 1997: 138]) отражается не ойконимическая модель на *-la*, а модель на *-бола*, что подтверждается наличием, например, в Петрозаводском крае реки и ойконима *Гим* [WRG 1961, I: 432]. В этой связи следует подробно рассматривать и ойконим *Сортавала*.

Часть ойконимов Мерянской земли на *-бол(V)*, *-бал(V)* могла, в принципе, развиваться от похожего на мордовский элемента *веле* 'село', что, однако, в части случаев может быть фонетически затруднено. Для доказательств потребуются дополнительные, в первую очередь архивные, сведения. На основании развития данного топонимического компонента можно предположить и совершенно новую возможность, а именно, связь с скандинавскими топонимами на *-bol*, *-höle*⁸.

Названия на *-bol* распространены по всему Северу, по всей южной Скандинавии [Pamp 1988: 53; Harling-Kranck 1990: 94]. В Швеции они, как правило, обнаруживаются в названиях (ново)селений и имений. Суффикс является производным от глагола *bo* 'жить'. Окончание же *-höle* производится от *-bol*. [Pamp 1988: 53.] Названия на *-höle* (*-byle*) распространены на большей части Севера, в том числе в южной Финляндии [Pamp 1988: 53], где они образуют значительную часть названий селений [Thors 1953: 14]. Следует отметить, что они своим распространением и основами резко отличаются от древнейших ойконимов типа *Rapola* и *Kalvola* во внутренней части страны.

Варяги были в немалой степени включены в прарусскую действительность. Общественные обстоятельства, отраженные в летописях, а именно наличие варяжских налогоплательщиков на Руси, в том числе в Ростове Великом, могли, в принципе, оставить определенные следы в топонимии. Прежде всего речь идет о топонимии с административным началом. Гипотетически здесь могло быть нечто подобное, что и на Аландских островах, где *-bol* служил показателем облагаемых годовым налогом селений (см. [Harling-Kranck 1990: 91]). Однако уже упомянутые возможности возникновения ойконимной модели на *-бол(V)*, *-бал(V)* на финно-угорской почве не позволяют допустить для них скандинавское происхождение. Возникает вопрос: мог ли скандинавский ойконимический суффикс *-bol*, *-höle* влиять на внешний, фонетический облик более древнего элемента финно-угорского происхождения с одинаковой семантикой? На ответ должны влиять степень и ареалы варяжского присутствия на Руси.

Известны древнескандинавские сочинения со сведениями о восточной Европе: описываются основные речные магистрали, по которым плавали из балтийского моря на юг, на восток (на Волгу и в Прикамье) и из Белого моря по Северной Двине вплоть до Северо-Восточной Руси [Мельникова 1986: 34–35]. Характер находок скандинавского происхождения не оставляет, по мнению Е.Н. Носова, сомнения в непосредственном присутствии скандинавов в центрах балтийско-волжского пути, к которым относятся также Сарское городище и Тимерево на Мерянской земле [Носов 1992: 102–103]. Г.С. Лебедев предполагает контакты варягов на востоке только в городских центрах на магистральных путях – отношения с сельским населением могли быть лишь в ближайшей округе этих центров [Лебедев 1985: 25].

Нельзя не упомянуть о крайне интересной археологической связи Мерянской земли с Аландскими островами: в курганах обоих регионов обнаружены глиняные изображения медвежьих лап, не имеющие соответствий в других местах. И. Калмэр связывает это явление с миграцией в IX–X вв. скандинавских населенческих групп на территорию современной Ярославской области, впоследствии распространяясь к озеру Неро и Плещеево, а также южнее на Волго-Клязьминское междуречье [Callmer 1994: 13, 31–33, 39]. Поселения переселенцев часто создавались недалеко от мерянских, а захоронения говорят и о совместных скандинавско-мерянских браках. Главной причиной движения Калмэр видит торговлю пушниной [Callmer 1994: 38–39]. В Суздале скандинавоязычное население жило, по данным археологии, до конца XI в. [Мачинский 1985: 19]. Г.С. Лебедев утверждает, что последний поход варягов в Ростово-Суздальскую землю совершился ок. 1222 г.; при этом норманны попали в Суздаль с севера, после похода на Бьярмаланд [Лебедев 1985: 25]. Долю выходцев из Скандинавии в Волго-Окском междуречье И.В. Дубов, однако, не считает значительной [Дубов 1982: 56–57].

⁸ Связь с греческим словом *πόλις* 'город', выступающим в названиях городов типа *Константинополь*, кажется достаточно искусственной.

Возможные зоны контактов требуют основательного исследования, но предвзятительно кажется вполне возможным наличие немалого количества ойконимов на *-бол(V)*, *-бал(V)* именно в местах присутствия скандинавского компонента (ср. карты [Callmer 1994: 33] и [Леонтьев 1996: 28]). В Ярославском Поволжье и в окрестностях Ростова Великого, Переславля-Залесского, Суздаля и выделяются скопления данной ойконимии (см. карту распространения [Леонтьев 1996: 28]). Здесь же присутствовали в свое время и варяги. На данной территории элемент *-bol*, *-höle* мог, в принципе, заменять детерминант финно-угорского происхождения. Можно было бы думать и о распространении новой, слегка переделанной на скандинавский лад ойконимической модели с территории Средней России на более отдаленные края, хотя и не следует забывать, что у варягов были крепкие связи и с Севером, с Бьярмландией. Как раз на Русском Севере на карте начала XVII в. [Veep 1613] указано селение *Bombal*, название которого поразительно напоминает ойконим *Bemböle* скандинавского происхождения в южной Финляндии. На территории Мерянской земли имеется, по крайней мере, один пример тождественного значения ойконима: ср. *Кибол* под Суздалем (см. [Альквист 1997: 25, 28]) и шведск. *Stenböle* (*sten* ‘камень’) в Финляндии (см. [Thors 1953: 14]).

Возраст скандинавских названий на *-bol* подробно не исследован, но множество из них с уверенностью считается средневековыми, хотя модель была продуктивна и в более поздние времена [Pamp 1988: 53]. Б. Памп предполагает, что большинство из названий на *-höle* возникло после эпохи викингов и, возможно, имеет приблизительно одинаковый возраст с названиями на *-bol* [Pamp 1988: 53–54]. Во временном отношении скандинавскую модель можно совмещать с русской субстратной моделью, особенно если помнить, что в определении возраста скандинавских названий речь идет лишь о предположениях.

Существуют некоторые предположения, относительно скандинавоязычных компонентов топонимии Средней России. Д.А. Мачинский рассматривает скандинавским название города *Суждаль* ~ *Суздаль*, упоминаемый в скандинавских сочинениях в таких формах, как *Súrdalar*, *Súrsdalr* [Мачинский 1985: 19–20; Мельникова 1986: 36, 42–44]. В случае ойконимов *Súrsdalr* и *Rostofa*, *Rádstofa* Е.А. Мельникова видит частичную народную этимологизацию топонимического компонента на основе фонетического сходства [Мельникова 1986: 36, 43–44]. При этом бросается в глаза форма *Rostabo*, указывающая на *Ростов* на карте фра Мауро 1459 г. [Карта фра Мауро: л. 2, III]. Конечную часть названия можно было бы рассматривать наряду со скандинавским элементом *bo*, выступающим в ряде названий уездов (см. [Sahlgren 1925]), но требуются серьезные дополнительные доказательства. Однако, если названия городов древнерусского времени могли, в принципе, носить скандинавские элементы (хотя бы посредством народной этимологии), как и наименование *Русь*, *Россия* (о проблематике см., например, [Попов 1973: 46–63]), то почему бы компонент *-bol*, *-höle* не мог влиять на облик наименований ряда основных деревень? Не присутствует ли здесь всего лишь формальное и семантическое совпадение разноязычных топонимических компонентов?

(Продолжение статьи и общий список литературы
см. в следующем номере.)